

Павел Марков: "Увлекаюсь сам собой"

С Николаем Эрдманом

Напомню дату первого письма Павла Александровича Маркова: июнь 1930 года. Людям жилось тяжело. Культ личности уже сказывался в статьях, в портретах, в чересчур пронзительных аплодисментах при упоминании имени Сталина. Но скованности еще не было. Москва была прежней: Китай-город, Красные ворота, Симонов монастырь, Сухарева башня, все было как обычно. Еще зеленым было кольцо Зубовского, Смоленского, Новинского бульваров с их вековыми деревьями. Разрушение памятников старины было впереди, хотя первые побег "нового сознания" уже были. Начиналось новое десятилетие.

МХАТ жил своей особой жизнью. В середине мая 1930 года театр отправился на гастроли в Тифлис и Баку. Возглавлял поездку директор театра Михаил Сергеевич Гейтц, пришедший в МХАТ в сентябре 1929 года. Станиславский был за границей. Немирович-Данченко оставался в Москве. В Москве оставался и Марков.

Степанова играла на гастролях Аню в "Вишневом саду" (Тарасова, занятая в "Отелло", была в Москве) и Мариэтт в "Воскресении". В то время Лина Степанова еще не занимала отдельного положения, но все, что складывалось в ее жизни на сцене МХАТ, складывалось устойчиво и надолго. Характер у нее был уравновешенный, работать она умела, никогда не нарушала границ строгого вкуса и знала, что в театре ее уважают. Молодая женщина, с изысканным красивым лицом, была редкой индивидуальностью и умела жить самостоятельно. Все это знали. После "Воскресения" ее положение в театре крепко утвердилось, хотя все еще было впереди. Ей было 25 лет. Павел Марков был ее близким другом. Он очень любил ее и, главное, доверял ей. Она была посвящена во многие тайны его личной жизни, о которых другие могли только догадываться. Летом на гастролях в Тифлисе она получала письма из Москвы. Постоянно ей писал Павел Марков. Он, один из немногих, знал, что у нее нехорошо на душе: разлаживалась ее жизнь с Горчаковым, она тосковала и чувствовала себя одинокой, в ее отношениях с Николаем Эрдманом еще было много неясностей. В личном архиве А.И.Степановой сохранились письма П.А.Маркова. Предлагаем для публикации три письма.

Письмо Маркова

"На конверте: Тифлис-Городской театр. Гастроли Моск.Художественного театра. Ангелине Иосифовне Степановой. 6 Июня.

Дорогая, хорошая Линочка. Не сердись на меня — я не сволочь, писать мне трудно, усталость и пустота совсем овладели мной. Жизнь течет скучно и однообразно: вечерами в каких-то театрах, днем в заседаниях. Сезончик выдался не из легких. Катастрофа с Синицыным завершила длинный ряд неприятностей. Вчера было чтение пьесы Николая. После всех событий она производит грандиозное впечатление. Вся ее двойная линия беспокоит, тревожит — все в один голос говорят о ее исключительной талантливости и о нелепости и тревожной туманности основных позиций пьесы. Сейчас только что у меня сидел Леонидов, который долго хвалил пьесу, сказал, что это самое сильное, что написано за 12 лет.

Вл.Ив. недоуменно хвалит. Настроение в труппе — скверное. И улучшения не предвидится. Сегодня после мороза потеплело, светит солнце, тепло и даже хочется жить. Новостей нет — а если и есть, то все мелочь, о которой писать и скучно, и лень. Не думай только, что я тебя забыл. Я очень тебя помню, люблю.

Нежно целую. Павел.
В Москве оставалась часть труппы. Играли "Отелло", "Синюю птицу", "Квадратуру круга" Ка-

таева, "Нашу молодость" Карташева, инсценировку романа Кина "По ту сторону" и "Трех толстяков" Олеси. Сказка Олеси трудно репетировалась, трудно выпускалась. В конце концов рухнула декорации, и спектакль, недожив до сотового представления, был снят. А публике он очень нравился, и особенно Суок — Морес и Тибул — Синицын. Он сыграл его последний раз 27 мая, а 28 мая — погиб, упав из окна третьего этажа. Ему было 37 лет, в театре он пробывал недолго, пришел в 1926 году. Человек был яркий, очень талантливый артист, замечательно играл Яго в "Отелло". Степанова впоследствии вспоминала: "В театре знали, что он был большим человеком, но от этого было не легче. Говорили, что он не упал, а выбросился из окна. Так и не знаю, была эта отчаянная или нечаянная смерть".

Леонид Миронович Леонидов (1873-1941) — прославленный артист МХАТа (пришел в Художественный театр в 1903 году), любил захаживать к Маркову. То было, действительно, трудное время для театра. "Отелло", его играл Леонидов, прошло всего десять раз, зато репетировался Судакковым по плану Станиславского. Играли много спектаклей и на гастролях, и в Москве. Театр, привыкший к определенному стилю и порядку, вынужден был примериваться к новым условиям жизни. Все мечтали о современных пьесах. "Самоубийца" показалась спасением. Эту пьесу Леонидов высоко ценил, и Степанова вспоминает, как он часто возвращался мыслями к этой пьесе, а в письме Маркова речь идет о первом чтении "Самоубийцы". Пьесу мечтали поставить во МХАТе, в театре Мейерхольда. Как известно, она нигде в те годы поставлена не была.

Письмо Маркова

"На конверте: Проезд Московского Художественного театра.

Московский Художественный Театр. Ангелине Иосифовне Степановой. Дорогая подруга, что обозначает твое длительное и подозрительное молчание. Стоило мне только приняться за письменные дела и отправить тебе 2 письма (помимо первого и этого), ты замкнулась. Что с тобой? Я в тревоге и беспокойстве. В твою голову пришли какие-то решения, ты писала своей маме, что "привыкаешь к одиночеству". В каком смысле? Я ничего не знаю о твоих летних планах, хотя и сам не имею оных. Напиши, пожалуйста, прямо — если ты на что-нибудь сердита и, в объятиях Баталова, вырвала меня из своего сердца. Я веду образ жизни ти-

хий, покерный и сиротливый. Имею много неприятностей, переживаю их кротко и лишь изредка впадаю в деловитый период. С пьесой Николая полно не вырешено — ее должны слушать ответственные лица — тогда дело вырешится. В Москве — туман на тебе, туман на улицах, туман в душе. Рассейте его немножко. Ваши письма очень нужны вашему тоскливому другу. Нежно целую. Павел".

Дата на письме не проставлена, на конверте нет штампа. Судя по всему, письмо кем-то привезено в Тифлис или в Баку, куда переехал МХАТ на гастроли. Во время поездки молодые собирались своей компанией: Хмелев, Станицын, Ершов, Комиссаров, Елина. Иногда к ним присоединялся Судакков, иногда — Баталовы. У Баталова с Судакковым были "трения", и это порой мешало спокойствию. Перечитывая письма Маркова, чью дружбу Ангелина Иосифовна ценила всю жизнь, она заметила: "Почему он пишет "В объятиях Баталова"? Это явная ошибка, мы были дружны с "Лелей" (Андровской) и никогда никаких особых отношений с Баталовым не было. В той поездке летом 1930 года я сдружилась с Хмелевым, это я помню, потом все бывало по-разному".

Сезон 1930-1931 гг. был тоже нелегкий. Критика громила "Воскресение", "Синюю птицу", "Отелло". А Немирович-Данченко, отправляя из Берлина труппе МХАТ письмо к открытию сезона 1 сентября 1930 года, писал: "Когда отойдешь в сторону от непрерывной текучести нашего дела, оглянешься на пройденное, чтобы сделать оценку ошибкам и достижениям, тогда с особенной яркостью видно, какое громадное, какое первенствующее значение имеет в нашем деле наше искусство. Не будем засорять его ни халтурой, ни бытовыми дрязгами, ни пустозвонством, ни дурной моралью. Верую, что нам и природой и традициями отсыпано в большую меру и таланта и прекрасных намерений. Желаю здоровья, удачи и сил претерпевать невзгоды".

В этом сезоне Степанова играла небольшие роли в шумной "Рекламе" Уткинс, имевшей ошеломляющий успех, вводилась в "Три толстяка" и играла свой прежний репертуар. Летом, как обычно, уезжала отдыхать на юг.

Письмо Маркова, 1931 год

"На конверте: Курорт Гагры (на Черноморском побережье)

Гостиница Риеца, номер 30
Ангелине Осиповне Степановой
Верея, 15 августа

Дорогая, хорошая Линочка.

Письмо твое получил с радостью, а то долго удивлялся, почему не пишешь. Вероятно, за этот период много изменилось — или выяснилось, или укрепилось, и, может быть, в южных просторах у тебя вновь счастливые дни. Это было бы чрезвычайно и упоительно приятно. А я живу тихо, бездумно, провинциально. Здесь очень красиво и одиноко. Много гуляю среди сосен, обрывов, полей. В противоположность тебе оказался тверд с решением (чему не завидую). Приезжала на два дня Нора, но я был неприступен, как Гибралтар, а горд, как Эрдман. Сам собой увлекаюсь. Общество здесь разнообразное. Завадские милы. Мама Саня с ними ужилась. Иринина мамаша и ее подруга Фаина — на природе вполне симпатичны — тем более, что редко видимся. Два раза виделись с Асей Орошко, Налем и Глазуновым, которые живут поблизости. Но больше особого желания нарушить уединение нет. Зато заведена банда молодежи, учащейся в наших техникумах и прочее: они просты, милы, трогательно-наивны и до идиотизма увлекательны. Они по очереди влюбляются в Ирину, которая кажется им высшим проявлением светскости. Но я совершенно побежден их непосредственной практичностью, увлечением авто- и авиацией. Жгу с ними по ночам костры, однажды пьянствовал до утра в лесу — среди сосен. Мы относимся друг к другу с взаимной нежностью. Они — хорошие парни и товарищи, в особенности двое из них. Тем не менее довольно часто тоскую. По чести говоря, даже по твоему приятелю. В одну из таких минут написал ему поучительное письмо — и после этого, конечно, нарядился.

С недоумением думаю об осени: что буду делать и как. Много планов — но порою кажется, что все они ни к чему. А пока оказалось, что я очень люблю лес, поля, реку, коз, свиней и прочую живность.

Нежно тебя целую и очень хочу видеть. П.М."

В письме упоминаются: "Нора" — Вероника Витольдовна Полонская, актриса МХАТа с 1924 по 1935 год.

Актрису театра имени Вахтангова: Анна Алексеевна Орошко, первая исполнительница Адельмы в "Принцессе Турандот", ученица Вахтангова с 1916 года (умерла в 1965 году), ее муж тех лет Анатолий Миронович Нал, интеллигентнейший человек, писал стихи, играл маленькие роли в театре, и Освальд Федорович Глазунов — один из выдающихся актеров театра, первый исполнитель роли Маттиаса Клаузена в "Перед заходом солнца" в довоенные годы. Впоследствии в годы войны остался при немцах у себя на даче в Снегирях под Москвой. Играл в годы оккупации в Риге, был арестован и умер в тюрьме, в машине-воронке, когда его перевозили из одной тюрьмы в другую в конце войны.

Ирина — Ирина Сергеевна Вульф, актриса МХАТа с 1925 по 1934 год, в то время жена Юрия Завадского, дружившая с Вероникой Полонской.

Мама Саня — так звал Марков свою приемную мать.

Судя по всему Верея, неподалеку от Можайска, была местом, куда съезжались летом 1931 года отдыхать театральные люди. В предстоящем новом сезоне МХАТ будет передан в ведение Президиума ЦИК СССР, получит новое название — МХАТ СССР, изменится положение театра. На пороге была жизнь МХАТа, обеспеченная государственной защитой и абсолютным признанием. Все это так или иначе отразится на судьбах и Маркова, и Степановой, что не избавит каждого из них от многих драм, которые им придется пережить. Но это уже другая тема.

Публикация Виталия ВУЛЬФА

Окончание. Начало на 9 стр.

Вот какие дела. Я, как Бурдюков из "Владимира 3-й степени", отравлен мечтой об ордене и волнуясь нещадно.

Дело мое с квартирой двигается. Получаю я квартиру из четырех комнат, 70 квадратных метров. Дмитровской переулок, д.3, кв.5. Я так измучился со своей мечтой о сносном существовании, что уже не верю в это. Когда въеду в квартиру, обязательно приедем ко мне погостить, я надеюсь, что в январе-феврале 1933 года въеду. Кроме того, просьба еще одна. У меня нету копии моего договора с театром Немировича-Данченко. Если возможно, то /нрзб./ договор. Не полагается ли мне денег. А то я сейчас сижу на мели. Если полагается (всего я получил три тысячи), то попроси мне переслать телеграфом за мой счет. Буду за это очень благодарен и тебе и театру.

Крепко тебя целую. Привет Мордвинову, Столярову, Рейнгерцу, Шлуглеиту и многим другим. Нина хворает, но кланяется.

Д.Шостакович

Срочно отвечай. И еще одно дело. Помнишь наш разговор о моей работе в театре Немировича-Данченко? Если из этого что-нибудь вышло, то вышли мне, пожалуйста, бумажку о том, что я состою на службе в театре и получаю столько-то. Это мне надо для домоуправления, а то они обложат меня квартплатой как свободную профессию, и я тут волком взвою. Сделай это, пожалуйста. Срочно сделай.

Д.Ш.

Квартира в Москве необходима. Из ТРАМа я ушел.

1934, 27 января. Из Ленинграда в Москву.

Мой милый и дорогой Паша. С самого начала этого пись-

Дмитрий Шостакович: "Ты для меня самый близкий друг"

ма прошу тебя принять мои уверения в глубокой нежной дружбе к тебе. Ты для меня самый близкий друг, к которому я всегда хочу стремиться в минуту жизни трудную, и я убежден, что всегда найду у тебя поддержку и дружескую помощь. Мне мучительно больно, что ты на меня обиделся за мой выпад против театра, но если бы ты был тонким психологом, то, наверное, пенял и простил бы меня. Ты помнишь, когда во время моего предпоследнего приезда в Москву я смотрел генеральную репетицию, я чуть не плакал от восторга перед спектаклем. Неужели ты не веришь, что это было сделано искренно, от всего сердца. И неужели ты не можешь себе представить, что моя реплика в театре после второго акта на втором спектакле является ничем иным, как нелепой вспышкой автора, думающего, что его опера, любимейшее детище, провалилась*. Нет, пожалуй, человека, которого бы так любил и ценил, как моя жена. И тем не менее я очень часто с ней ссорюсь и говорю ей самые обидные слова. Если бы все это принималось ею за чистую монету, то она уже давно не была бы моей женой. И я прошу тебя от всего сердца. Забудь. Не было ничего. И не будет. Я со страшной боязнью жду от тебя письма. Я боюсь, что ты меня будешь упрекать. Я боюсь твоих упреков, потому что они будут несправедливы. Я в данный момент страшно одинок. Нина меня всю дорогу ругала за то, что мы уехали из Москвы с общественного просмотра. Она довела ме-

ня до такого состояния, что я сейчас плачу горячими слезами. Я обладаю рядом отвратительных качеств, которые мне так мешают жить. Первое из них — это повышенная ревность и мнительность к своим вещам. Я глубоко убежден, что мне надо подняться выше этого, но никак не могу. Не хватает сил. И когда публика кашляет в театре, то это равносильно для меня ударам ножа по окровавленной ране. Я пережил два спектакля в театре Немировича-Данченко и один в Мих/айловском театре. Я никогда не мог бы подумать, что это окажется до такой степени тяжело. Здесь нет кокетства, здесь нет кривляния. В это, мне кажется, никто не верит, ни ты, ни Столяров, ни Нина. Подожди, пускай пройдет десять спектаклей. Я успокоюсь и буду с восторгом слушать Столярова и смотреть спектакль. Сейчас мне необходим перерыв. И сегодня я не иду в Мих/айловский театр, ссылаясь на то, что я не вернулся из Москвы. Мое состояние особенно мучительно, что я чувствую, что я моим отъездом из Москвы нанес обида театру. Я эту обиду заглажу, даю честное слово, что заглажу тем или иным способом. И если театр меня любит хотя бы в десять раз меньше, чем я его люблю, то меня поймут и мне простят. Если это письмо придет до того, как ты мне будешь писать, то прошу тебя, воздержись от упреков. Они будут мучительны. Крепко тебя целую.

Твой Д.Шостакович.

Публикацию подготовила сотрудница Музея МХАТ Екатерина ШИНГАРЕВА

* Речь идет о двух первых исполнениях "Катерины Измайловой" в Музыкальном театре имени В.И.Немировича-Данченко. Премьера — 24 января 1934 года.

Экран и сцена